

Проблемы устойчивого развития в условиях глобализации и угрозы глобального потепления: новые вызовы для коренных народов России

Долматова Светлана А.

*Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Москва*

Ускоренному разрушению традиционной модели социохозяйственного развития коренных народов в 90-е годы XX века способствовало то, что возникший в результате рыночных реформ социальный кризис, усугубился в результате процессов глобализации. Причем эти процессы стали стремительно распространяться в тот период, когда уже был принят план действий на XXI век по реализации концепции «устойчивого развития», в соответствии с которым на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году все страны-члены ООН, в том числе Россия, обязались разработать свои национальные стратегии развития. Спустя десятилетие в докладе Комиссии ООН по устойчивому развитию к "Саммиту Земли" 2002 года констатируется, что в целом все "коренные народы находятся в эпицентре кризиса устойчивого развития. Их общины могут служить конкретными примерами устойчивых сообществ, исторически развившихся в различных экосистемах. Сегодня они стоят на пороге либо вымирания, либо выживания и обновления в мире, испытывающем плоды глобализации". При этом коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ оказались в наиболее уязвимом положении из-за особенностей ментальности, своего хозяйственного поведения и предшествующей адаптации к системе государственного патернализма советского периода.

Необходимо найти объяснение, почему сложилась такая ситуация, и понять, как найти системное, не противоречащее культурному коду коренных народов, решение согласующееся с объективными потребностями современного общества в движении в сторону устойчивого развития. Основная идея данного доклада заключается в том, что надо находить общий выход из системного кризиса человеческой цивилизации, которая сейчас сама находится на пороге глубокой трансформации. И в этом общем выходе, который лежит в решении проблемы устойчивого развития в мировом глобальном масштабе, будет найдено решение и для коренных малочисленных народов. Более того, они сами могут воздействовать на концепцию современного развития таким образом, чтобы она приобрела мировоззренческую основу, потому что их культурный код полностью соответствует интегральному характеру идеологии устойчивого развития как идеологии мировоззренческой, которая видит целую картину мира в ее динамике. А экономика, которая доминирует и ведет хозяйственную деятельность, руководствуясь идеологией общества потребления, носит только прагматический характер. При этом из картины мира выпадает «прошлое-настоящее-будущее» как единое целое.

При обсуждении политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ их проблемы, как правило, рассматриваются в двух аспектах: во-первых, в аспекте кризисного положения этих народов в условиях рыночной трансформации на постсоветском пространстве и, во-вторых, в аспекте предложений по выходу из этого кризисного положения. При этом предлагаемые решения также можно свести к двум позициям. С одной стороны, это - предложения, которые отстаивают сами представители коренных малочисленных народов и которые связаны, прежде всего, с необходимостью сохранения их традиционного образа жизни. Это предложения, в первую очередь, по решению проблемы землеотведения и закрепления земель за родовыми общинами, чтобы на специально отведенных территориях

представители коренных народов могли заниматься привычной для себя хозяйственной деятельностью - охотой, рыболовством, оленеводством, и таким образом могли избежать опасности ассимиляции и исчезновения этноса. С другой стороны, это - предложения, исходящие в большей степени со стороны «доминирующего общества» (в терминологии Всемирного Банка) и связанные с поощрением предпринимательской деятельности коренных народов и другие меры, направленные на саморазвитие общин коренных народов.

Однако при всей несомненной полезности и необходимости такого подхода к решению проблем коренных малочисленных народов, следует отметить, что все предложения сводятся к задаче адаптации к надвигающейся индустриальной цивилизации, к необходимости реагировать на ее изменения. Идеология устойчивого развития коренных сообществ находится как бы в противофазе развития современной цивилизации, препятствующей сохранению их самобытности.

В настоящее время в политике ведущих международных институтов развития наблюдаются тенденции к учету интересов коренных народов РФ, на территориях традиционного расселения которых ведется активная хозяйственная деятельность, значимая для глобальной экономики. В рамках общего процесса гармонизации российских норм и правил с международными стандартами можно отметить, например, такие документы как Политика 4.10 Всемирного Банка, Требования 7 Международной Финансовой Корпорации и новые Требования Политики Европейского Банка Реконструкции и Развития по коренным народам. Однако подобные уступки по отношению к аборигенным народам происходят на фоне критических и, возможно, уже необратимых процессов, когда по свидетельству их представителей и экспертов уже на каждом стойбище стоит по нефтяной вышке.

Несмотря на новые заявления о равноценности культур «доминирующего общества» и традиционных этнохозяйственных сообществ на практике сохраняется глубокое противоречие между насущными целями этих двух типов развития. Со стороны «доминирующего общества» действует индустриальный тип развития на принципах расширенного воспроизводства, способный на основе достижений научно-технического прогресса удовлетворять растущий спрос на товары и услуги для обеспечения комфортной жизни все более широкого круга населения, и в этом смысле расцениваемый как «прогрессивный» (позитивный). Традиционная деятельность, не способная к такому развитию, действует на принципах простого воспроизводства, производства нетоварного типа не предполагающего извлечения прибыли, а направленного на удовлетворение собственных потребностей производителя (общины) и имеющего стратегию выживания. И, соответственно, традиционная культура классифицируется «доминирующим обществом» как социально-экономическая модель, нуждающаяся в адаптации к передовому типу общественного производства частично путем сохранения, частично - путем постепенной трансформации через малое предпринимательство в современный рыночный уклад. Как правило, при этом не принимается во внимание то, что задачи адаптации к индустриальной цивилизации предлагается решать в тот период, когда сама индустриальная система входит в глубокий системный кризис, и есть даже опасения, что мир может столкнуться с пока еще не предсказуемыми последствиями этого кризиса. Признание нестабильности индустриальной модели развития в настоящее время уже утверждается в широких кругах научно-экспертного, делового и политического истеблишмента. Поэтому предложения по адаптации могут не дать системного решения проблем сохранения культуры коренных народов. Значит, следует учесть, что предпринимательская активность коренных народов может служить только дополнением, подспорьем основным видам традиционного хозяйствования, которое, действуя на принципах самодостаточности, мотивировано на самообеспечение, а не на прибыль.

Нынешний этап развития человеческого сообщества в стратегическом плане имеет важную особенность с точки зрения интересов коренных народов. Диалектический подход

к развитию показывает, что, если на предыдущем витке развития существовало глубокое противоречие между «modernity» (современностью) и традиционностью, то на нынешнем витке это противоречие снято: «доминирующее общество» в настоящее время имеет общие с традиционностью цели развития – это социально-экологическая устойчивость. А эта цель достигается при сбалансированности интересов не только в *развитии*, но и в *сохранении*.

Однако индустриальное развитие показало, что именно с целями *сохранения* оно и не справляется. При этом на нынешнем этапе развития потребность в *сохранении*, возможно, имеет особые приоритеты. И именно на этом направлении традиционная культура коренных малочисленных народов способна оказать современной цивилизации неоценимую услугу, которая, впрочем, при соответствующем инновационном подходе могут трансформироваться из метафоры во вполне реальную, осязаемую деятельность - в сферу услуг, адаптированную к рыночной системе. Но это сфера услуг - не в материальной области, как, например, в случае с экологическим туризмом, хотя это, безусловно, важная и перспективная сфера деятельности для коренных народов. Это сфера услуг духовно-культурного свойства, которая по аналогии с научной сферой не мотивирована на прибыль и участвует в сохранении и развитии отношений, не связанных с идеологией общества потребления, приоритеты которого угрожают самому факту существования человеческой цивилизации. Принципиальное диалектическое противоречие между объективными целями развития современного общества и целями сохранения традиционного общества может быть таким образом снято, и оба типа развития совпадают по фазе. Им необходимо только синхронизировать свои действия, и в этом смысле цели устойчивого развития коренных народов и «доминирующего» общества совпадают: интересы *развития* и *сохранения* оказываются не в оппозиции, а становятся обязательными частями одного общего процесса.

Однако доминирование типа *развития*, который отстаивает современная экономика, настолько велико, что коренным народам необходимо проявить инициативу и продемонстрировать, что их сообщество может оказать практическое содействие по общему выходу из кризиса индустриального развития, вполне реально угрожающего глобальной экологической катастрофой. В Хартии, принятой IV съездом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в 2001 году, они выразили свое "желание самостоятельно участвовать в процессе устойчивого развития Севера, нашего государства и мира в целом, используя и совершенствуя накопленные предками знания. Только в гармонии с природой человечество может найти выход из современного техногенного кризиса», и эта дорога, по их мнению, им известна. Именно для решения заявленных на съезде задач коренным народам надо быть вооруженными знанием объективных причин негативных последствий глобализации и кризиса устойчивого развития. Чтобы изменить сложившиеся тенденции развития, необходима смена мировоззрения, позволяющая полностью изменить общепринятую модель развития суверенного государства и направить глобальный процесс в сторону устойчивого развития человеческой цивилизации. И на этом пути можно рассчитывать на серьезную гуманитарную поддержку мирового сообщества, поскольку это в интересах всего человечества.

Для достижения этих целей коренным народам следует усилить свою переговорную позицию, в том числе через понимание тех вопросов, которые, казалось бы, лежат вне их компетенции и непосредственно их не касаются. Что стоит за понятиями «глобализация» и «устойчивое развитие» и их проявлением в жизни, что такое глобальное потепление и каковы его причины? Почему в законодательной и институциональной области идут на уступки по отношению к коренным народам? Возможно, уже произошли изменения, критические не только для культуры коренных народов, но даже для такой инерционной системы, как климат? Произошли критические изменения глобального масштаба, и сейчас возвращаются к тем же самым вопросам, которые были поставлены

еще в 70-80-е годы прошлого столетия. Когда в 1992 году государствами на высшем уровне было принято солидарное концептуальное решение по устойчивому развитию, все же инерция преобладающей индустриальной модели была такова, что действующая социально-экономическая политика вошла в противоречие с политическими декларациями и объективными запросами общества в его развитии на длительную перспективу и в интересах грядущих поколений. Если вникнуть в суть этих вопросов и проанализировать их взаимосвязи, можно радикально поменять наши представления. И это уточнение понятий, их первоначание должно позволить выработать общее видение на проблемы развития для нашего общества в целом, и для коренных народов в частности. Это также позволит предложить инновационные организационные и управленческие решения. А усиление переговорных позиций сейчас особенно актуально в связи с новыми политическими установками на смену курса от сырьевой ориентации развития страны на инновационный, чему посвящены серьезные дискуссии в научно-экспертных сообществах. Министерство экономического развития и торговли РФ разработало проект - план развития Российской Федерации на период с 2008 по 2020-й год, по сути, концепцию перехода от сырьевой к инновационной экономике. Несырьевое развитие России рассматривается в основном как условие сохранения субъектности (суверенности) страны в условиях глобализации. При этом обычно в качестве образца приводится китайская экономическая модель завоевания позиций в мировой рыночной системе.

В модернизационных проектах, альтернативных программах, стратегиях прорыва и опережающего развития Российской Федерации при различиях в их содержательном наполнении речь, как правило, идет об экономическом росте. В зависимости от предполагаемых сценариев решения поставленных задач прогнозы даются с различной долей вероятности, но, непременно, чем вероятнее в этих прогнозах более высокий рост, тем больше высказывается оптимизма. Между тем, Нобелевская премия мира за 2007 год бывшему вице-президенту США Альберту Гору и Межправительственной группе экспертов по изменению климата (МГЭИК) подтверждает влияние хозяйственной деятельности человека на климат Земли. МГЭИК доказала факт усиления этого влияния в 1990-е годы и особенно в последующие годы, т.е. за период, когда происходили стремительные экономические и политические изменения в глобальном масштабе. При этом в их докладе делается вывод, что нарастающие климатические изменения могут решительно изменить условия жизни человека и более того, они угрожают существованию человечества в целом, а также, что действовать необходимо прежде, чем климатические изменения станут неуправляемыми. Политические выводы, которые должны следовать за этим, отражаются, в частности, во мнении ведущего научного советника премьер-министра правительства Великобритании сэра Дэвида Кинга о том, что изменение климата Земли, вызванное глобальным потеплением, представляет собой большую угрозу человечеству, чем международный терроризм¹.

Последнее время у нас, в том числе на высшем уровне, происходит осуждение однополярного «конфликтогенного» курса мирового развития, причем на фоне все более нарастающего его неприятия во всем мире. При этом у нас сохраняется нацеленность на безудержную экономическую гонку именно в логике этого однополярного курса. Политическое руководство страны нацеливает на такое развитие экономики, которое на базе новых знаний и передовых направлений НТП - биотехнологий, нанотехнологий и др. – фактически должно осуществлять переход к постэкономическому обществу, в котором индустриальное производство перестает быть главным источником прогресса в общественном производстве. Однако общий настрой в реальных проектах, реальная политика исполнительной власти и даже большинство научных обоснований таковы, что результат будет противоположный. Даже новые институты развития создаются под задачи инвестирования в лесопромышленную отрасль. Главы регионов фактически устраивают

¹ bbcussian.com,2004/01/09;http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/sci/tech/newsid_3384000/3384603.stm

друг с другом соревнование, создавая для инвесторов именно в эту отрасль наиболее благоприятные условия (!). К сожалению, такая политика находит сторонников и в научной среде. В свете тревожных выводов МГЭИК и с учетом глобальной роли большинства территорий России как биосферного резервата планеты, растущий оптимизм подобных предлагаемых проектов становится синонимом нарастающего обскурантизма. Ни в одном из проектов развития не ставится вопрос о соотношении экологии и экономики. Относится ли экология к факультативным аспектам развития или фундаментальным? Это необязательный элемент системы развития или системообразующий?

Поскольку по данным МГЭИК влияние человека на климат Земли стало более явным, начиная с 1990-х годов, получается, что интенсивность этого влияния возросла в условиях глобальных экономических и политических изменений, которые произошли, затронув буквально все стороны социальной реальности, в предельно короткие по историческим меркам сроки – полтора–два десятка лет. Поэтому оказалось естественным и отставание аналитических подходов к описанию и пониманию сущности этих изменений, имеющих столь серьезные экологические последствия. Это относится и к часто употребляемым в научных дискуссиях, политических документах и разработках понятиям, которые обозначают такие объемные и существенные явления этого периода развития общества, как «глобализация» и «устойчивое развитие».

Оба понятия отражают процессы или идеи, которые не приняли еще окончательную форму и зачастую не имеют ясных перспектив, а по многим аспектам находятся всего лишь на начальном этапе развития. Поэтому они могут содержать неоднозначные оценки, различные подходы и трактовки дискуссионного характера. Понятие *глобализации* определяется в основном как процесс, отражающий растущую взаимозависимость национальных экономик, формирование единого общемирового финансово-информационного пространства на базе IT-технологий, а также формирование глобального рынка, и характеризующийся перераспределением функций управления социально-экономическим развитием от национальных государств к экономическим транснациональным субъектам и наднациональным институтам экономического регулирования. Понятие *устойчивого развития* базируется на тех концептуальных основах, которые содержатся в формулировках Комиссии ООН по окружающей среде и развитию под руководством Г.Х. Брундтланд. Оно исходит из определения, данного в Докладе этой Комиссии 1987 г. «Наше общее будущее», как модели развития, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без уменьшения такой возможности для будущих поколений, при этом в стратегическом плане достигается гармония между людьми, с одной стороны, и между обществом и природой, – с другой².

Логика развития международных отношений, сложившихся по итогам Второй мировой войны на основе политической биполярности при экономическом развитии как индустриальном производстве, способствующем формированию и обострению глобальных проблем, подводила к необходимости изменения общественных отношений путем пересмотра материальных и социально-нравственных основ этих отношений, а также экономических механизмов развития индустриального общества, как социалистического, так и капиталистического, что должно было на основе конвергенции обеих экономических систем привести к «дематериализации» общественного производства до уровня экологической емкости планеты.

Идеологическая подготовка к такому типу развития в западном обществе шла в течение 20-ти лет, начиная со Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 года, создавшей специальную структуру – Программу ООН по окружающей среде

² Our Common Future: The Report of the World Commission on the Environment and Development. Oxford. N.Y. Oxford University Press/ 1987, p. 50, 68.

(ЮНЕП). Значительную роль в этом сыграла работа по экологизации общественного сознания в развитых странах. Таким образом, формировалось понимание потребности в ресурсоограничении и происходило осознание взаимосвязи социальных, экономических и экологических проблем при общественном развитии.

Такой переход мог начаться после принятия обязательств по переходу к устойчивому развитию руководствами стран на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году в Рио-де-Жанейро. Широкий консенсус в принятии концепции устойчивого развития, несмотря на множество ее интерпретаций, был достигнут, в том числе, благодаря ее общему характеру, отражающему идеи урегулирования идеологически противоположных направлений – либерального и социал-реформистского, в жестком противостоянии которых все 70-е годы XX века проходили дебаты по поводу формирования Нового международного экономического порядка (НМЭП). В отличие от концепций НМЭП как проектов управления только мировой экономикой, хотя и как целостной системой, концепция устойчивого развития формулировала отношение к различным способам развития – социально-экономическому, политическому, демографическому, научно-техническому и т.п. – как к единому процессу, ограниченному рамками экологической емкости планеты. В этот же самый период, период окончания «холодной войны» и вовлечения пространства бывшего соцлагеря в орбиту рыночных отношений стали активно развиваться процессы глобализации. Казалось бы, стоящие за этими двумя понятиями процессы глобального масштаба – технологический – «глобализация» и идеологический – «устойчивое развитие» в условиях прекращения противостояния двух общественных систем должны вместе дать мощный импульс позитивному развитию человеческой цивилизации. Однако, перехода мирового сообщества на рельсы «устойчивого развития», которое способствовало бы решению глобальных проблем *всего человечества*, в том числе проблемы бедности и «выпадения» социальных слоев, этнокультурных сообществ и целых территорий из общественного развития, не происходит. Наоборот, возникают новые острейшие социальные конфликты, разразились войны, стали проявляться серьезные признаки наступающего экологического кризиса.

Сам термин «глобализация», попавший в научный оборот в дебатах о развитии в 80-е годы, стал особенно активно использоваться по мере развития негативных тенденций в этом процессе с начала 90-х годов. Интеллектуальное осмысление этих негативных тенденций широким кругом научно-экспертного сообщества началось только спустя десятилетие в результате неожиданного, взрывного появления движения антиглобалистов. Объективные процессы научно-технического развития последних 20-30 лет, вызвавшие к жизни передовые информационные технологии, телекоммуникации и т.п., способствующие в свою очередь интенсификации международной экономической интеграции, не обязательно должны были продуцировать ту структуру социально-политических и экономических отношений в мире, которые сложились в последнее десятилетие. Как представляется, если бы осталась сохраненной известная двуполярность мира, *формой глобализации могло стать устойчивое развитие*, которое дало бы процессам глобализации позитивный импульс. При этом негативная составляющая глобализации была бы минимизирована.

Термин «устойчивое развитие» никуда не исчез, он активно применяется в политических и программных документах, практических разработках, в том числе международных организаций и бизнесструктур. Можно услышать об устойчивом развитии энергетики или транспортной системы, можно найти документы по устойчивому развитию той или иной территории или банковской деятельности. *Однако, идея аутентичной концепции «устойчивого развития» оказалась выхолащенной, причем настолько, что фактически ее смысл изменился полностью.* Выхолащивание идей «устойчивого развития» происходило, в том числе за счет их редукции до уровня

концепций «глобального регулирования» в интерпретации некоторых исследований для Римского клуба. Так, по рекомендациям 1991 года А.Кинга и Б.Шнайдера в докладе «Первая глобальная революция» глобальное регулирование должно быть направлено на уровень «регионального, районного и местного управления, а также к другим социальным системам, таким, как образование, вооруженные силы, частное предпринимательство и даже семья».³ С середины 1990-х годов получили распространение транснационалистские концепции «глобального регулирования», выдвинутые преимущественно американскими экспертами и идеологами, восходящие еще к либеральному подходу в дебатах 70-х годов XX века по поводу формирования НМЭП. Согласно этим взглядам, социально-экономической политикой государств должны управлять различные институты влияния на базе сетевого взаимодействия. При таком режиме управления государство наравне с ТНК, международными организациями, гражданским обществом местного, национального и международного уровня будет содействовать упрощению условий деятельности транснационального бизнеса, а также движения капиталов, товаров и услуг через границы государств посредством унификации мировой экономической среды.

Но главное заключается в том, что это понятие оказалось монополизированным неоклассической экономикой, представляющей мейнстрим фактически в течение всего периода после Рио-92. Неолиберальная теория на рубеже 80-90-х годов в силу ряда причин оказалась победителем в глобальном масштабе не только по отношению к марксистской идеологии, но и только зарождающейся идеологии «устойчивого развития», в которой были отброшены социал-реформистские подходы, фактически допускающие возможность постиндустриальной конвергенции социализма и капитализма на базе изменения отношения к природопользованию.

В такой трактовке концепция «устойчивого развития» была сведена до задачи *предоставления услуг по обеспечению перманентного экономического роста*. Можно услышать от авторитетных экспертов такую версию, что перевод термина «*sustainable*» как «устойчивое» у нас появился как чисто технический недосмотр, тогда как было решено переводить этот термин как *жизнеспособное* развитие. Однако вероятнее всего, что это не техническая ошибка, а сознательный подход, потому что легко увидеть, что *устойчивый* экономический рост часто является именно нежизнеспособным. Восторжествовала интерпретация, согласно которой концепция устойчивого развития мало что добавляет к возможностям современной экономики обеспечить устойчивый экономический рост на достаточно длительный период времени для удовлетворения потребностей общества в его устойчивом развитии. Главным считается правильный учет инвестиций преимущественно только в два фактора производства - основной капитал и человеческий капитал, при этом инвестиции в экологический, или природный капитал, могут направляться по остаточному принципу. В принципе, при соответствующем развитии НТП, в перспективе допускается возможность с помощью научно-технического прогресса замены природной среды на технотронную.

Функционирование современной экономики в рамках «мейнстрима» неолиберализма базируется на следующих двух основных постулатах, которые в корне противоречат идеологии устойчивого развития:

1. цели экономики подчинены исключительно беспредельно растущим запросам потребителя (как индивидов, так и производственных единиц);
2. неограниченные возможности экономики при помощи НТП обеспечивают эти запросы на альтернативной основе предоставления товаров и услуг.

Вместо устойчивого развития как новой формы мирохозяйственных отношений стали развиваться процессы, которые дали ход негативным проявлениям глобализации.

³ King A., Schnieder B. The First Global Revolution: A Report to the Club of Rome. N.Y. 1991, p. 182.

Закономерным исключительно в рыночной логике итогом этих тенденций становится следующее: сложный и многомерный мир социальных отношений, развивающийся в замкнутой экосистеме, сводится к факторам производства товаров и услуг и формирования потребностей в них. Таким образом, **глобализация** стала проходить в форме конкурентной стратегии экономических монополий в борьбе с национальными государственными образованиями за факторы производства – землю, капитал, труд - в интересах **устойчивого получения сверхдохода** за предоставление в мировом хозяйстве услуг по **перманентному экономическому росту**.

Эта стратегия по своей сути экологонесовместима. Погоня за прибылью понуждает ресурсопользователей экономить на своих издержках при выполнении двух принципиально важных экономических функций, связанных с природой: при изъятии ресурсов, что приводит к ее избыточному разрушению, и при удалении отходов производственного цикла, что приводит к ее загрязнению. Одновременное действие этих функций приводит к дальнейшему снижению экологической емкости планеты. Посредством вовлечения в оборот общества потребления все более широких масс населения и за счет упрощения доступа наиболее эффективных субъектов мировой экономики к факторам производства максимизируется скорость природоистощения в глобальном масштабе. При этом глобальная эффективность способствует ускорению изменения климата. Территориальные администрации различного статуса, - от государственного до местного уровня, - как потребители услуг по устойчивому экономическому росту, предоставляемых экономическими субъектами, обеспечивают благоприятные условия по выполнению этих услуг, и в результате экологические препятствия снижаются в такой степени, насколько экологизирована власть или позволяет гражданское общество.

Глобализация показала, что представление о более высокой степени экологической развитости общественной системы стран Запада оказывается мифом, в действительности позволяющей относительно благополучно решать экологические проблемы только на своей территории. Эта система, хотя и выбралась из состояния «очень грязной экономики», в котором находились Соединённые Штаты и Западная Европа в 1960-х и начале 1970-х годов, остаётся уже в качестве *глобальной экономики* в рамках всё той же отсталой первичной экономики, как и в других странах, - т.е. со структурой в виде пирамиды с большим природоэксплуатирующим сектором в основании. Просто это основание с топливно-энергетическим, агропромышленным, лесным и рыбным комплексами, а также индустриальными секторами экономики с высокой энерго- и материалоемкостью вынесено на периферию мирового рыночного хозяйства. Поэтому масштаб глобальных проблем, от которых не удастся скрыться за национальными границами, не уменьшается, а нарастает.

Размышления ответственных ученых на Западе о перспективах физического выживания человечества с позиций, в которых оно находится в начале XXI века, весьма тревожны. И.Валлерстайн, говоря об устойчивом развитии, идея которого была определена Комиссией Г.Х. Брундтланд еще 20 лет назад, приходит в настоящее время к следующим выводам: «подлинная проблема носит не экологический, а политический характер. Возможно ли устойчивое развитие в рамках капиталистической социальной системы? ... если мы остаемся в рамках капитализма, выхода у нас нет. С другой стороны, наше общественное устройство... охвачено структурным кризисом, происходит... переход к некоторой иной системе... Поэтому я полагаю, что есть возможность изменить направление мирового развития, разработать альтернативные пути социальной эволюции, при которой общество не будет уничтожать само себя в процессе глобальных климатических изменений».⁴

⁴ И.Валлерстайн. Экология и экономика в глобальном контексте Вопросы экономики. М., 2006, №11, с.98

И на этом пути важнейшую идеологическую роль могут сыграть коренные народы, в культуре хозяйственной деятельности которых природные экосистемы не попадают в категорию ресурсов и не подвергаются нарушениям и деградации, как это свойственно идеологии «доминирующей» экономики, а сохраняются в качестве единой экосистемы «человек-природа».

Мировое сообщество заинтересовано в кардинальном и системном решении проблемы сохранения климата как никогда прежде. Спрос мирового сообщества на благоприятную для человека среду обитания в свете научно подтвержденных фактов антропогенных причин изменения климата в 2007 году достиг своего пика. Если он не будет удовлетворен, тогда при надвигающейся глобальной экологической катастрофе штатные проблемы спроса и предложения в целом перейдут на уровень чрезвычайных - вся структура современного производства будет не соответствовать потребностям большинства населения планеты в физическом выживании.

Конференция сторон Конвенции по изменению климата, созванная Генеральным секретарем ООН в декабре 2007 года под формальным предлогом продления принципов действующей Конвенции, фактически поставила задачу теоретической и практической «адаптации национальных стратегий развития к шоковым и комплексным изменениям» в виде неизбежного роста стихийных бедствий.⁵ Такая постановка задачи фактически означает, что государства ООН были оповещены о начале глобальной климатической катастрофы. Именно этим, видимо, объясняется изменение позиции США – основного «загрязнителя» окружающей среды и идеологического заказчика такого «загрязняющего» развития, на которые приходится 20% мирового производства и 40% мирового потребления, по принятию условий Конвенции на общих основаниях.

Таким образом, можно сделать ряд важнейших выводов из результатов постбрундландского периода развития мировой системы, начало которого следует отнести к постановке задач разработки национальных стратегий развития в соответствии с «Повесткой на XXI век», предполагающих устойчивое развитие отдельных стран *на принципах «предвидеть и предвосхищать»* негативные последствия глобального развития (Рио-1992), и конец - к постановке задач адаптации этих стратегий к шоковым и комплексным изменениям, фактически соответствующих развитию *на принципах реагировать*, причем с явным запаздыванием (Бали, декабрь 2007).

Во-первых, климатическая система из состояния константы, в котором она пребывала в течение всего периода развития капиталистических отношений в мировой истории, трансформировалась в состояние переменной составляющей окружающей природной среды в виде климатического ресурса. И, таким образом, количество экстерналий неolibеральной экономики в экологическом плане перешло в новое качество – в новый, четвертый, в отличие от конвенционального фактора в виде глобальной экономической ренты, основной фактор производства – климатический (наряду с финансово-экономическим, социально-трудовым и природно-ресурсным факторами производства).

Во-вторых, следует определенным образом ответить на теоретический вопрос о соотношении экологии и экономики. Если ответить на него, переформулируя одно из положений теории систем, согласно которому направленный удар по системообразующему элементу разрушает саму систему, то исчерпание климатического ресурса, шире - экологического, в зависимости от которого оказалась поставлена жизнеспособность экономического развития, классифицирует этот ресурс как системообразующий.

В-третьих, при предоставлении в мировом хозяйстве услуг по перманентному экономическому росту экономические монополии выигрывают в процессе глобализации конкурентную борьбу с национальными государственными образованиями за факторы производства – капитал, труд, землю. Однако они будут вынуждены участвовать в системе

⁵ Информационная записка Генерального секретаря ООН.24.09.07.
<http://www.un.org/russian/climatechange/2007highlevel/index.shtml>

мер по обращению климатического фактора производства из переменной составляющей обратно в константу и таким образом подчинять свои интересы устойчивого получения сверхдоходов интересам физического выживания человечества. При этом государству возвращается его ведущая роль в национальном социально-экономическом развитии и субъектность более высокого уровня в глобальных процессах, а также подводится черта под периодом доминирования свободных рыночных сил в мировой экономике.

Экономические субъекты должны быть поставлены в такие условия, при которых они будут заинтересованы или вынуждены поменять свои приоритеты. И до тех пор, пока не будет восстановлена естественная экологическая емкость планеты, необходимости перейти, используя возможности НТП, преимущественно к задачам предоставления обществу услуг по обеспечению благоприятной и здоровой окружающей среды, прежде всего по очищению и возвращению в природный оборот изъятых под промышленное освоение территорий. Поскольку речь идет, прежде всего, об экологических объектах коллективного достояния, которые наделены свойствами общественной собственности в культуре коренных народов, а при этом индивидуальный спрос на них в «доминирующей» экономике отсутствует, это означает, что именно коренные народы могут и должны участвовать в экологизации общественного сознания для формирования такого спроса. В целом главная задача при трансформации современной экономики на устойчивую модель развития заключается в том, чтобы принять активное участие в «обществе потребления» по линии его ключевого отношения - «спрос-предложение». Если «доминирующая экономика» нацелена на удовлетворение растущего спроса на товары и услуги со стороны населения как потребителя, т.е., выражаясь экономическим языком, стоит на стороне *предложения* товаров и услуг, и, будучи заинтересованной в росте этого предложения, сама при помощи рекламы, СМИ, массовой культуры формирует этот *спрос*, то она тем самым нарушает принцип сдержек и противовесов. Надо устранить ее монополию в этом вопросе, оставив за ней приоритеты в осуществлении функции *предложения*.

Традиционная культура должна получить адекватную поддержку со стороны государства и конкурировать на равных с бизнесом в разработке и осуществлении политики по формированию устойчивой модели потребления для современного потребителя. Для этого коренные народы, например, могут модернизировать свою модель организации быта и досуга в современный контекст, чтобы демонстрировать возможности аскетичного потребления и эколого-нравственного образа жизни. В целом на пути достижения устойчивой модели потребления требуется изменить вектор развития массовой культуры от идеологии глянца, смоделированного на искусственную праздничность, к идеологии этики естественного состояния человека в его исторической сопричастности природе и культуре, как это свойственно коренным народам.

Предлагаемые средства для искоренения негативных проявлений глобализации до сих пор оказываются неадекватными по отношению к происходящим реальным сдвигам. Радикальные рекомендации воспринимаются, как правило, как призыв к антиглобализации, т.е. как противодействие объективным процессам развития. Появляется непродуктивная идея единственно возможной альтернативы глобализации только как протекционистской реакции и/или левомарксистского реванша. Между тем, командно-плановая экономика может также монополизировать идею устойчивого развития как исключительно экономического роста. Объект критики глобализации с марксистских позиций – это, прежде всего сверхэксплуатация одного фактора производства – труда, а с экологической – другого фактора – земли; соответственно, с позиции аутентичной концепции устойчивого развития – обоих факторов равноценно. Поэтому то обстоятельство, что в России в настоящее время разворачиваются крупномасштабные инвестиционные проекты, действующие в соответствии с выше обозначенной стратегией «негативной» глобализации, должно вызывать скорее тревогу, чем удовлетворение. Продвижение на территорию Российской Федерации уже освоенных в глобальной экономике производств, таких, например, как автомобильные заводы, в

условиях индустриальной перегрузки экологической емкости планеты представляет собой безответственное игнорирование преимуществ международного разделения труда. Россия упускает шанс радикально изменить во благо человечества не только направление своего собственного пути развития, но и глобального.

Между тем уже существует признанное мировым сообществом теоретическое решение в виде концепции устойчивого развития, позволяющее удовлетворить этот спрос. Однако, ни ЕС, ни США, «почивающие на лаврах» глобальной прогрессивности своих экономических и политических систем, ни КНР, делающая беспрецедентный рывок в природорасточительное общество потребления, ни следующая за ней Индия, ни тем более страны «третьего мира», не имеющие необходимых ресурсов и в принципе выпадающие из глобальных модернизационных задач, объективно не в состоянии совершить системный радикальный поворот к экосовместимому хозяйствованию, обеспечивающему только необходимое и достаточное потребление для устойчивого развития человеческой цивилизации. Тем более это не могут осуществить транснациональные экономические субъекты, поскольку принцип их функционирования, навязанный современной глобализирующейся экономике, базируется на ранее отмеченных постулатах беспредельно растущих потребностей и неограниченных возможностей их удовлетворения.

Нобелевский комитет отметил, что в 1980-е годы влияние человека на глобальное потепление казалось только любопытной гипотезой. Однако, это не так. Ученые буквально били тревогу, что увенчалось принятием Рамочной конвенции по климату в рамках Рио-92, при этом их все равно относили к алармистам, препятствующим естественному развитию бизнеса. Но в результате западного глобализационного прорыва и, особенно, при феноменальной роли в этом прорыве Китая, в 1990-е годы процесс потепления получил очевидные подтверждения. Все же решительные изменения в сторону экологизации инвестиционной политики в глобализирующемся мировом хозяйстве пока не происходят. Не наблюдается этого и в так называемой стратегии «российского экономического прорыва» - в новое правительство даже не возвращено соответствующее экологическое министерство. В качестве синергетического эффекта этого прорыва по примеру Китая климатические изменения могут уже стать неуправляемыми. Таким образом, нынешняя экономическая политика продолжает развиваться в русле экологической безответственности.

После прекращения «холодной» войны в СССР началось выявление экологических «ужасов» и разоблачений, происходивших на его территории. На волне интенсивно происходившей экологизации общества в конце 80-х годов «зелёное» движение в качестве единственной «разрешённой» оппозиционной силы (подавляющее число избранных в 1989 г. народных депутатов шло на выборы с «зелёными» лозунгами; в опросах населения проблемы окружающей среды по рейтингу занимали второе место) способствовало поражению централизованно управляемой системы как некоего природоразрушающего монстра. В результате, произошел стремительный спад производства. Реформа, шедшая под лозунгом слома плановой системы хозяйства, имела своим импульсом не только низкую эффективность последней, но и ее экологическую несостоятельность. Однако с середины 90-х годов стала наблюдаться фактическая деэкологизация государственной политики постсоветской России, её переориентация на приоритет ресурсоэксплуатирующей функции над природоохранной, явными признаками чего стало понижение статуса федерального Министерства по экологии, а затем и ликвидация Госкомэкологии в 2000 году под предлогом необходимости привлечения иностранных инвестиций. И хотя в течение последних лет при нарастающем финансовом благополучии России этот предлог уже не актуален, принципиально ничего не менялось, более того, наоборот, ухудшалось. При этом все годы рыночных преобразований ни российский, ни международный бизнес не проявили себя ни социально, ни экологически ответственными, несмотря на признание мировым сообществом необходимости такой

ответственности уже к началу этих преобразований. Кроме того, те структуры, которым были переданы природоохранные полномочия, даже формально не были наделены функциями, соответствующими более высокой форме отношений человеческого общества к природе, или третьему этапу его развития, когда происходит охрана собственно окружающей природной среды для поддержания ее биогеохимических циклов и энергетических потоков, необходимых для формирования экосистемной роли. Задачи этих структур свелись к соблюдению санитарно-гигиенических нормативов, но и эти задачи оказались для них неподъемны. В результате ввиду явных признаков изменения климата раздаются предупреждения о недопустимости разрушения сохранившихся в СССР территорий, служащих биорезерватом северного полушария.

Россия находится в настоящее время в уникальном положении. Став в результате неудавшегося неолиберального реформирования в значительной степени деиндустриализированной и во многом утратившей прежний национально организованный экономический базис, она оказалась единственной державой с мощным интеллектуальным потенциалом, существенно сбросившей прошлый экологически несовместимый «индустриальный груз». Тем самым она получила в известной мере благоприятный шанс, позволяющий направить свое развитие на путь «Повестки XXI века». Разработав и применив недостающее «программное обеспечение» на базе собственного интеллектуального ресурса, Россия способна развернуть глобализацию в другом, позитивном направлении - в форме устойчивого развития как развивающегося многообразия исторически обусловленных экосовместимых форм жизнедеятельности и на основе нового типа роста - эколого-экономического. Можно также ожидать, что в отличие от национально адаптированного марксизма, воплощавшегося в жизнь в период существования СССР в противостоянии «старому миру», реализация Россией концепции «устойчивого развития», наоборот, будет приветствоваться остальным миром. Не исключено позиционирование стратегии «устойчивого развития» России как пилотного для глобальной экономики модернизационного проекта со всеми следующими отсюда преимуществами. Для этого, прежде всего, необходимо в целом отказаться от модернизации экономики в сторону индустриализации по китайской модели, стремительно сокращающей экологическую емкость планеты, которая уже несколько десятилетий не справляется с индустриальной нагрузкой, т.е. уйти от модели, дестабилизирующей климатическую систему. Вместе с тем необходимо перейти к поиску и реализации модели, соответствующей концепции «устойчивого развития», при которой объединялись бы задачи сохранения и развития. Для этого следует привлечь общественные силы, стоящие за интересами сохранения, которые уравновесили бы доминирование сил, стоящих за интересами экономического роста. Надо выступить с идеей создания национальной структуры, объединяющей проблемы развития и сохранения, исходя из требований концепции устойчивого развития. При этом организациям коренных народов следует занять самую активную позицию. Эта структура, в которую должны входить, прежде всего, организации, отстаивающие интересы сохранения и спасения природной среды, культурных этнохозяйственных и других традиций, архитектурно-исторических ландшафтов, защитники животных и т.д., должна обладать возможностями:

- формирования целей развития;
- политики изменения индикаторов развития (отказа от агрегированных финансовых показателей роста, таких как ВВП к индикаторам, отражающим связи между различными аспектами функционирования общества);
- законодательной инициативы;
- экологизации общественного сознания, формирования экосистемного сознания власти, бизнеса и общества.

Необходимо одновременно выступить за проведение всего комплекса мер, предлагавшихся на Конференциях ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и в Йоханнесбурге в 2002 году, где давались оценки последствиям глобализации за предшествующее 10-летие, начав с экологизации общественного сознания и поставив задачу перевести в законодательное поле:

- все три цели устойчивого развития, важнейшей из которых на сегодня является экологическая целостность (долгосрочное сохранение экосистем и биоразнообразия);
- все три основополагающих принципа устойчивого развития, из которых пока принимается во внимание только «загрязнитель платит»;
- соответствующие аксиомы экологического управления и правила по устойчивому использованию запасов природного капитала.

Отказавшись от модернизации экономики по китайской модели, следует сделать ставку преимущественно на инвестиции в производства следующего технологического уклада и технологически передового и экологически чистого сельскохозяйственного производства. При этом максимально использовать преимущества международного разделения труда и уйти от импортозамещения и индустриальной сборки на базе импортных технологий, т.е. от внедрения уже освоенных в глобальной экономике производств, имеющих схожие потребительские характеристики, как, например, автомобильных заводов.

Экологический фактор должен стать приоритетным и стержневым критерием при оценке, реализации и эксплуатации инвестиционных проектов, а также при оценке профильного развития макро- и микрорегионов. Должны быть также созданы условия для перелива капитала в экосовместимые производства. По аналогу со Стабилизационным фондом, сформированным с целью предотвращения финансовых рисков, необходимо создать Экологический стабилизационный фонд, направленный на восстановление нарушенной устойчивости биосферы и предотвращение экологических рисков в будущем. Поскольку в этом должны быть заинтересованы и страны-участники Киотского протокола, возможно расширение действия механизмов последнего. Такой фонд должен состоять из двух частей: одна часть – в физическом выражении, состоящая из номенклатуры территорий с запретом на эко-несовместимую хозяйственную деятельность и со значительным увеличением численности и размеров особо охраняемых природных территорий; другая часть - в денежном выражении, предназначенная для проведения рекультивации и возвращения в природный оборот экосистем и территорий, разрушенных хозяйственной деятельностью. Особое внимание следует обратить на политику в отношении российских лесов. Обезлесение выявлено в качестве одной из главных причин глобального потепления. На его долю приходится не менее 20 процентов выбросов парниковых газов. Выражая обеспокоенность этой проблемой, Всемирный банк в связи с Балийской конференцией выступил с инициативой, направленной на сокращение выбросов парниковых газов путем сохранения лесов, которая может иметь весьма важные последствия для России. По заявлению президента Всемирного банка Р.Зеллика «мир признает глобальную ценность лесов и готов за них платить»⁶. Промышленно развитые страны уже обязались выделить около 160 миллионов долларов США на начальные мероприятия по реализации этой 10-летней программы⁷.

Однако это возможно при условии выдвижения со стороны России встречной инициативы, опирающейся на решение радикально изменить лесопромышленную политику, причем в свете последних научных данных теперь уже в интересах не только будущих поколений, но и нынешнего. По данным последнего ежегодного доклада ООН о развитии человека климатические изменения приведут к наводнениям, таяниям ледников,

⁶ <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID>

⁷ Там же

к росту влияния засух, могучих бурь и ураганов, наводнений и в целом к ухудшению качества окружающей среды по всему миру уже при жизни нынешнего поколения, а вследствие этого к массовым перемещениям людей и сокращению производства продуктов питания. Почему-то при решении задачи устранения одной из основных причин изменения климата, а именно обезлесения, акцент делается на развивающиеся страны - Южную Америку, Африку, Индонезию. Действительно, в этих странах масштабы обезлесения настолько велики, что они сказываются на климатической системе планеты. Однако их непосредственное влияние сказывается в первую очередь на климатических изменениях Южного полушария. Что касается Северного полушария, где находятся индустриально развитые страны, то его биорезерватом, по аналогии с тропическими лесами Амазонки в Бразилии по их экологической важности для Южного полушария, являются помимо влажных и заболоченных территорий, лесные экосистемы Российской Федерации, составлявшие в конце периода существования СССР одну пятую часть мировых лесных ресурсов. В связи с безжалостной вырубкой тропических лесов, по мнению международных экспертов, "лёгкие планеты" из Южной Америки и Экваториальной Африки всё больше перемещаются в район российской Сибири и Дальнего Востока, где сохранялась самая крупная в мире по площади территория, не нарушенная хозяйственной деятельностью. Однако все годы рыночных преобразований шла интенсивная и не менее безжалостная и во многом нелегальная рубка российских лесов, сопровождающаяся крупномасштабными пожарами, в том числе коммерческого характера. Истинные масштабы происшедших изменений в объеме лесных ресурсов не подсчитывались, но судя по росту экологических бедствий в странах Северного полушария, и особенно в Европе, они катастрофичны.

Предполагается, что квоты на выбросы за счет сохранения лесов будут включены в новое соглашение, которое заменит Киотский протокол, т.е. они смогут действовать только после 2012 года. При этом на конференции в Бали неоднократно звучала мысль, высказанная, в частности, министром развития Германии Хайдемари Вечорек-Цойль о том, что «мы не должны потерять ни одного дня в деле защиты климата и лесов»⁸. Поэтому Россия должна взять на себя добровольные обязательства по незамедлительному изменению политики в отношении российских лесов. Надо также привлечь заинтересованные стороны - страны Запада, Всемирный банк, ООН и стороны Конвенции по изменению климата для исправления сложившейся ситуации. С учетом высокой криминальной и коррупционной составляющей лесного бизнеса необходимо установить временную госмонополию в лесном хозяйстве и до проведения тотальной инвентаризации состояния лесного фонда, оценки ущерба и выработки стратегии по лесовосстановлению наложить временный мораторий на рубку леса. Для этого следует провести комплекс мер по перепрофилированию занятого в лесной отрасли бизнеса, в том числе с использованием механизма финансирования, предложенного Всемирным банком, и таким образом на основе международной кооперации, в том числе с участием Китая, особенно в Дальневосточных областях, перейти в качестве развития идеи культивирования «киотских лесов» к восстановлению разрушенных лесных массивов. Кроме того, необходимо уйти от использования леса в качестве материала для товарной упаковки и печатной продукции, прежде всего рекламной, одноразовой, и сделать ставку на создание новых материалов и использование электронных носителей. Необходимо отказаться от классификации бытовых и промышленных отходов, особенно бумаги, как мусора и перейти к тотальной их переработке в качестве вторсырья и в целом перейти к формированию экономики отходов. Для этих и других целей следует максимально использовать механизм ВТО и социальной рекламы. Итогом должно стать снижение уровня материализации общественного производства до размеров, не превышающих экологическую емкость природной окружающей среды.

⁸ Там же.

В Декларации тысячелетия, принятой странами ООН в 2000 году, говорится: «Мы считаем, что главной задачей, стоящей перед нами сегодня, является обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира. Это связано с тем, что, хотя глобализация открывает широкие возможности, ее благами сейчас пользуются весьма неравномерно и неравномерно распределяются ее издержки... Глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии».⁹ При этом, среди фундаментальных ценностей, обозначенных Декларацией 2000, приводится тезис о том, что «нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены». И далее: «Мы должны не жалеть усилий в деле избавления всего человечества, и прежде всего наших детей и внуков, от угрозы проживания на планете, которая будет безнадежно испорчена деятельностью человека и ресурсов которой более не будет хватать для удовлетворения их потребностей»¹⁰. За последующие 7 лет положение ухудшилось настолько, что речь уже идет о нынешнем поколении. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун выражает оптимизм, что Балийские договоренности положат начало эпохе «зеленой» экономики и «зеленого» развития, и соответственно необходимому для борьбы с изменениями климата процессу глобальной трансформации к подлинно устойчивому развитию. Однако подлинно устойчивое развитие в этой интерпретации сводится всего лишь к экономике «на базе экологически чистых технологий и экономики с низким объемом выбросов»¹¹, т.е. не затрагивающей основы экономики общества потребления, что в результате малопродуктивно.

Поэтому при ответственной политике Россия должна взять на себя инициативу принять лидерство по устойчивому развитию в полном его объеме и перейти по терминологии доклада ЮНЕП «ГЕО-3», подготовленного к Всемирному саммиту по устойчивому развитию в Йоханнесбурге, от модели развития «с приоритетом рынка», когда «интересы экономического роста перевешивают важность социальных и экологических проблем», к модели «приоритета устойчивости», что предусматривает наиболее глубокую трансформацию экономической политики под влиянием нового мировоззрения, поскольку в этом случае общее видение экономического развития становится частью более широкой концепции развития общества»¹².

Коренные народы, используя все возможности и явные преимущества России в удовлетворении всеобщей потребности в формировании ответственной перед будущими поколениями экономики – экономики устойчивого развития, могут быть полностью уверены в собственном устойчивом развитии, если оно будет модернизировано в русле собственных культурных традиций и интегрировано в новый позитивный контекст глобального развития.

Адрес для корреспонденции

Светлана Анатольевна Долматова,
Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва

stelldol@yandex.ru

⁹ Источник: A/RES/55/2 (PDF, 218K)

¹⁰ Там же

¹¹ <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID>

¹² <http://www.unep.org/geo/geo3/russian/516.htm>